

(ἐπίσημοι ἄρχοντες) были преданы публичному позору и казни. Патр. Никифор, а особенно Феофан, перерабатывая источник, не преминули выразить сомнение в действительном существовании заговора, причем последний с обычной для него безапелляционностью заявляет:¹ „Ἰνδθσαν... ἄρχοντες ἰθ' καὶ ἐπόμπησαν ὡς κατὰ τοῦ βασιλείας πονηρὰ βουλευσάμενοι, συκοφανθέντες οὐκ ἐν ἀληθείᾳ, ἀλλὰ φθονῶν αὐτοῖς διὰ τὸ εἶναι αὐτοῦ εὐεθεῖς καὶ ῥωμαλέους καὶ παρὰ πάντων ἐπαινούμενους, τινὰς δὲ αὐτῶν καὶ δι' εὐλάβειαν καὶ ὡς εἰς τὸν προῤῥηθέντα ἔγκλειστον (Стефан Новый) ἀπερχομένους...“ Ясно далее, что в связи с раскрытием этого заговора была установлена причастность к нему и патр. Константина. Но исправлением показаний источника Феофан (отчасти и Никифор) приведен был к необходимости превратить разрыв между императором и патриархом в ничем не мотивированный и непонятный, так как, если сановники были замучены Константином из зависти к их блеску и популярности, то по каким побуждениям мог „вознеистовствовать“ Константин против патриарха, им самим поставленного и оставшегося единомышленным ему (σύμφρων αὐτοῦ)?

Если мы сопоставим повествования Феофана и Никифора о гибели патр. Константина,² то из поразительных фактических и словесных совпадений убедимся в заимствовании его Феофаном из общего с Никифором источника, но отсюда же мы почерпнем и разгадку удвоения этого события Феофаном. Легко заметить аналогичность всех обстоятельств, окружающих и сопровождающих преследование того и другого патриарха, как они изображены Феофаном. Там и здесь налицо заговор и узурпационная попытка, направленная против Константина V; там и здесь восторжествовавший император одинаково расправляется с главными участниками движения — очень видными сановниками (одинаковое проведение по гипподрому с преданием публичному позору и затем жестокие казни). Разгром второй попытки, связанной с именами братьев Подопагуров, повел к позору и казни патриарха. Мне представляется совершенно естественным, что Феофан в то время, когда он еще составлял повествование о царствовании Льва III и заносил в свою летопись рассказ о столкновении патр. Германа с будущим его преемником по кафедре Анастасием,³ еще не успел отчетливо изучить события царствования Константина V. Он смутно помнил лишь, что с иконоборческим (σύμφρων αὐτοῦ) патриархом этот император жестоко расправился, предав его позорному наказанию именно на гипподроме (εἰς Διίππιν), раздраженный на него за его измену и причастность к заговору. Комментируя обращение Германа к наступившему на край его мантии Анастасию: „Μὴ σπεῦδε, φθάσεις γὰρ εἰσελθεῖν εἰς τὸ διίππιν“, обращение, в котором, как и во всех изречениях Германа, Феофан и вообще „православная“ среда неуклонно усматривала пророческий смысл, он, по невольной ассоциации (εἰς Διίππιν), вспомнил позорное введение в гипподром на осле патриарха, уличенного в участии в заговоре, перепутавши, однако, узурпационные попытки. Позднее, когда он дошел в повествовании до борьбы императора Константина V с Артаваздом, он мог даже убедиться в ошибочности своего предварительного сообщения, но эта ошибка бледнела и отходила на второй план перед необходимостью исполнения пророчества

¹ Theoph. 438,2 ff.

² Theoph. 438,26—439,5 = Niceph. 74,21—75,4;

Theoph. 441,5—442,12 = Niceph. 75,5—22

³ Theoph. 408,8—18.